

ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ СТРУКТУРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ РАЗВИТИЯ

Бондаренко Ю.П., к.э.н., ИАГП РАН

На основе авторской методики обоснован вывод о продолжающемся росте межрегиональных различий развития аграрной экономики, в том числе и за счет неравномерного распределения ресурсов для осуществления аграрного производства. Предложены направления повышения эффективности развития сельского хозяйства в условиях существующей неоднородности регионального пространства страны. В частности, обосновано влияние показателей уровня инвестирования на темпы роста аграрного производства в регионах. Сформулированы актуальные задачи государственной поддержки экономического роста сельского хозяйства, предполагающие дифференцированный подход между регионами с потенциалом роста и регионами с хроническим спадом аграрного производства.

Ключевые слова: сельское хозяйство, регионы России, ресурсы развития, неоднородность регионального пространства, экономический рост, задачи государственной поддержки.

REGULARITIES AND TENDENCIES OF THE DEVELOPMENT OF THE STRUCTURE OF ECONOMIC GROWTH OF RUSSIA'S AGRICULTURE UNDER CONDITIONS OF INTER-REGIONAL DIFFERENCES OF DEVELOPMENT

Bondarenko Yu.P., candidate of economic sciences, IAgP RAS

Based on the author's methodology, it is substantiated a conclusion on the continued growth of inter-regional differences in the development of the agricultural economy, including due to the uneven distribution of resources for agricultural production. Directions of increasing the efficiency of agricultural development in the conditions of the existing heterogeneity of the country's regional space are proposed. In particular, the influence of investment level indicators on the growth rates of agricultural production in the regions is justified. Actual tasks of state support of agricultural economic growth are formulated. They suggest a differentiated approach between regions with growth potential and regions with a chronic decline in agricultural production.

Keywords: agriculture, Russian regions, development resources, heterogeneity of the regional space, economic growth, tasks of state support.

Введение.

В 2000–2018 гг. в России наблюдался рост аграрного производства за исключением 2003, 2010 и 2012 гг., летний период которых характеризовался длительной засухой. На его фоне, однако, в значительной части регионов происходило сокращение аграрного производства. Фактически, реальный прирост валовой продукции сельского хозяйства страны создавался предприятиями лишь половины регионов. Например, в 2016 г. рост физического объема валовой продукции по сравнению с предыдущим годом составил 4,8%, но при этом в 28 регионах наблюдался спад производства, доходивший до 23,8% (Мурманская область), а в 6 регионах объем производства лишь остался на прежнем уровне. Таким образом, в 34 регионах из 78 с.-х. предприятия сократили свое производство, или, в лучшем случае, не утратили своих достижений, ими в 2016 г. было произведено 27,8% валовой продукции сельского хозяйства России, то есть почти треть валовой сельхозпродукции страны производилась в регионах с депрессивным аграрным комплексом. При этом наблюдалась тенденция снижения доли в производстве валовой сельхозпродукции страны: в 2009 г. она составляла 33,5%, в 2011 г. – 32,3%, в 2013 г. – 30,9%, в 2015 г. – 29,7%, в 2016 г. – 27,8%. В связи с вышеизложенным актуальной проблемой является изучение закономерностей и тенденций формирования структуры экономического роста сельского хозяйства России. Ранее автором проводи-

лись исследования по межрегиональным различиям условий развития сельского хозяйства, которые послужили методической основой при подготовке данной работы [1–18].

Цель исследований.

Целями исследований являлась разработка методики анализа и проведение самого анализа закономерностей и тенденций формирования структуры экономического роста аграрного сектора России в условиях значительных межрегиональных различий развития. При этом были определены возможности выявления совокупности факторов, направлений и ограничений развития аграрного комплекса в региональном пространстве страны, при которых рост аграрного производства страны сможет устойчиво достичь более высокого уровня. Также автором выявлены регионы, где наиболее целесообразно внедрение инновационных технологий роста и развития аграрного производства, что может найти применение при разработке экономических механизмов реализации приоритетов развития и использования производственного потенциала аграрного комплекса в регионах страны.

Методика исследований.

Для обозначения структуры экономического роста сельского хозяйства в условиях межрегиональных различий развития использовался набор показателей, характеризующих как уровень производства аграрной продукции, так и уровень социально-экономического развития региональных агросистем. Осуществлялся анализ факторов и ресурсных ограничений, оказавших влияние на существующий уровень дифференциации регионов по уровню производства и социально-экономического развития агропродовольственного комплекса. Предложены направления разработки мер дальнейшей поддержки развития аграрного производства в региональном пространстве страны. Исследование проводилось с помощью таких методов, как корреляционно-регрессионный анализ и экономико-статистические группировки. Для исследования были отобраны 78 регионов России, доля которых в производстве валовой продукции сельского хозяйства страны превышает 98%. К сожалению, города Москва, Санкт-Петербург, Севастополь и Республика Крым автором не рассматривались ввиду отсутствия или недостатка информации. Автономные округа Архангельской и Тюменской областей рассматривались в составе этих областей [19, 20].

Результаты исследований.

За исследуемый период количество регионов, характеризующихся спадом и стагнацией аграрного производства, колебалось по годам. Например, в 2007 г. таких регионов было 27, в 2008 г. – 19, в 2009 г. – 31, в 2010 г. – 57, в 2011 г. – 10, в 2012 г. – 47, в 2013 г. – 38, в 2014 г. – 33, в 2015 г. – 35, в 2016 г. – 34, в 2017 г. – 32. В динамике последних десяти лет в среднем в 33 регионах даже в наиболее благоприятные для сельского хозяйства года постоянно наблюдались спад или стагнация сельхозпроизводства, однако ежегодный их состав менялся. В России не было ни одного региона, у которого хотя бы в отдельные года не наблюдался рост производства физического объема валовой продукции сельского хозяйства. Абсолютными лидерами этого антирейтинга являются Костромская область и Республика Карелия, у которых рост производства наблюдался только в одном году из одиннадцати последних лет. Доля их производства в валовой продукции сельского хозяйства страны сократилась с 0,65% в среднем за 2007–2009 гг. до 0,43% за 2015–2017 гг. Второе место в лидерстве по антирейтингу заняли Ивановская, Вологодская области и Хабаровский край, у которых только трижды наблюдался рост сельхозпроизводства, а для восьми лет был характерен спад или стагнация, доля их производства в валовой сельхозпродукции страны сократилась с 1,68% до 1,18%. Далее следуют одиннадцать регионов, в которых спад/стагнация производства имел место семь раз, доля их производства упала с 13,9% до 10,9%. В Архангельской, Мурманской, Нижегородской и Омской областях спад производства был отмечен шесть раз, а суммарная доля в валовом сельхозпроизводстве страны за одиннадцать лет сократилась с 4,5% до 3,4%. В одиннадцати регионах спад/стагнация были пять раз, а сокращение доли опустилось до 11,7%–11,5%. В пятнадцати регионах сельскохозяйственное производство четыре раза демонстрировало отрицательные тенденции, при этом доля сократилась с 22,3% в среднем за 2007–2009 гг. до 19,8% за 2015–2017 гг. В девятнадцати регионах отрицательная динамика развития сельского хозяйства наблюдалась трижды, и в них доля сельского хозяйства начала

расти, увеличившись с 28,7% до 30,6%. В девяти регионах спад производства был отмечен дважды, рост доли был с 12,5% до 15,6%. В Брянской, Астраханской областях и Кабардино-Балкарской Республике спад/стагнация производства был только один раз, и доля их увеличилась с 2,4% до 3,2%. Единственным регионом, где в 2007–2017 гг. ни разу не отмечалось спада аграрного производства, является Республика Дагестан, доля которого в валовой сельхозпродукции страны выросла с 1,7% в среднем за 2007–2009 гг. до 2,1% в 2015–2017 гг.

Результаты проведенных расчетов позволяют утверждать, что некорректно говорить о росте производства в сельском хозяйстве России без принятия во внимание того факта, что реальный рост наблюдается только в чуть более половины регионов, а в остальных происходил систематический спад или уровень сельхозпроизводства оставался на прежнем уровне. Поэтому необходимо отделять регионы с потенциалом роста от регионов с хроническим спадом аграрного производства, которые существенно увеличивают нагрузку на регионы, имеющими потенциал роста.

С 2007 по 2017 гг. с учетом отдельных лет со спадом производства, только в 26 регионах из 78, или ровно в одной трети, рост физического объема валовой продукции сельского хозяйства был выше среднероссийского уровня. Но реальный рост аграрного производства страны создавала только четверть регионов с наиболее высоким уровнем роста аграрного производства. Суммарные объемы сельхозпроизводства регионов, характеризующихся низким уровнем роста аграрного производства, и регионов с хроническим спадом и стагнацией производства в целом в динамике лет остаются на прежнем уровне, но в отдельные года падают, что увеличивает нагрузку на регионы с высоким потенциалом роста, что создает дополнительные трудности для решения проблем повышения продовольственной независимости страны.

Вывод о том, что сфера аграрного производства имеет глубокую межрегиональную дифференциацию доказывает следующий пример. В последние полтора десятка лет в России был значительный рост урожайности зерновых культур, с 18,5 в 2005 г. до 29,2 ц/га убранной площади в 2017 г., позволивший за этот период увеличить валовые сборы с 77,8 до 135,4 млн т, то есть на 74%, при том, что посевные площади под зерновые культуры увеличились всего на 8,9%, с 43,8 до 47,7 млн га.

Урожайность зерновых культур в 2005–2017 гг. была выше среднероссийской в 2010 г. в 19 регионах, а в 2015 и 2016 гг. – в 27 регионах. В них производилось от 54,8% общего объема зерна страны в 2010 г. до 58,0% в среднем за 2015–2016 гг. То есть, менее одной трети регионов страны производили в среднем 57% зерна в долгосрочной динамике лет, при этом почти в половине зернопроизводящих регионов России урожайность зерновых культур за полтора десятилетия не выросла. Исходя из вышеизложенного некорректно говорить об интенсификации развития всей зернопроизводящей отрасли в стране.

В 2011–2017 гг. было внесено 64,6% от общего объема минеральных удобрений страны под посевы зерновых и зернобобовых культур, включая кукурузу. Если объем минеральных удобрений под зерновые культуры приравнять к 100%, то на одну треть регионов с урожайностью зерновых культур выше среднероссийской приходилось в разные годы от 68% до 79% внесенных минеральных удобрений страны. Из этого следует, что три четверти вносимых под зерновые культуры удобрений влияют на рост производства зерна в стране, а оставшаяся одна четверть служит для того, чтобы в остальных регионах удержать общий объем производства зерна на сложившемся уровне или на уровне незначительного спада в неблагоприятные годы.

Органических удобрений под зерновые культуры в 2011–2017 гг. было внесено от 54,5% до 58,0% от общего объема вносимых удобрений. На регионы, в которых производилось около 57% зерна страны, приходилось в среднем 55% органических удобрений. То есть, почти половина объема вносимых органических удобрений под зерновые культуры не способствовала росту производства зерна в стране. Поэтому, при распределении минеральных и органических удобрений под зерновые культуры необходимо учитывать, что в большинстве регионов они практически не окажут влияния на рост производства зерна.

Количество с.-х. техники по стране в настоящее время неуклонно снижается. В сельскохозяйственных организациях в 2017 г. по сравнению с 2005 г. количество тракторов снизилось с 480 333 ед. до 216 758, или в 2,22 раза. Количество зерноуборочных комбайнов снизилось в 2,24 раза, кукурузоуборочных – в 3,22 раза, кормоуборочных – в 2,43 раза, картофелеуборочных – в 1,98 раза. При этом в региональном пространстве страны данные тенденции сокращения парка сельскохозяйственных машин свойственны всем регионам без исключения. Но в регионах со спадом/стагнацией аграрного производства темпы выбытия сельхозмашин были гораздо выше, чем в регионах с растущими объемами производства. Только 49 регионов в долгосрочной динамике лет характеризовались ростом производства валовой продукции сельского хозяйства, в 2005–2007 гг. они имели 62,6% всего тракторного парка страны, в 2015–2017 гг. – 65,9%. По наличию комбайнов показатели следующие: по зерноуборочным – 61,3% и 65,7%, по кукурузоуборочным – 84,9% и 88,6%, по кормоуборочным – 55,3% и 58,4%, по картофелеуборочным – 62,4% и 65,8%. Таким образом, наблюдается четкая тенденция: чем выше темпы выбытия сельхозтехники – тем выше темпы сокращения сельхозпроизводства в регионах. Исходя из сложившихся реалий, в программах модернизации сельскохозяйственного машинно-тракторного парка приоритет должен отдаваться регионам с потенциалом положительных темпов аграрного роста, в которых располагается две трети парка тракторов и комбайнов страны.

Одним из направлений развития сельского хозяйства России, помимо обновления машинно-тракторного парка, является обновление и увеличение количества основных фондов в сельском хозяйстве. Достаточно не простая картина складывается при рассмотрении данной проблемы на уровне регионов.

Уровень распределения основных фондов сельского хозяйства по регионам можно во многом отследить через показатели фондовооруженности (стоимость основных сельхозфондов на одного работника сельского хозяйства) и фондоотдачи (валовой продукции сельского хозяйства на 1 тыс. руб. основных сельхозфондов). В среднем в 2005–2007 гг. наименьший уровень фондовооруженности был в Сахалинской области – 88 тыс. руб. основных фондов на 1 работника. Наивысший уровень – в Кемеровской области – 503 тыс. руб. на 1 работника. Разница составила в 5,7 раза. При этом в Сахалинской области вплоть до 2012 г. включительно был хронический спад производства, но в целом в 2005–2017 гг. физический объем производства продукции сельского хозяйства вырос на 2,6%. А в Кемеровской области объем сельхозпроизводства за этот период увеличился на 11,4%. В последние годы ситуация практически не изменилась. В среднем в 2015–2017 гг. наименьший уровень фондовооруженности (238 тыс. руб. основных сельхозфондов на 1 сельхозработника) был в Республике Северная Осетия – Алания, а наивысший уровень остался в Кемеровской области, он составил 2532 тыс. руб. на одного работника. При рассмотрении значений показателя фондовооруженности по всем остальным регионам в динамике лет прослеживается тенденция: чем выше фондовооруженность в сельском хозяйстве, тем выше темпы роста сельского хозяйства. Данная связь является корреляционной, когда при полном охвате регионов более высокому значению фондовооруженности не всегда соответствует более высокое значение роста аграрного производства в регионах, но теснота связи достаточно высокая.

Такие же тенденции отражает и распределение по регионам уровня показателей фондоотдачи. Самый низкий уровень фондоотдачи в сельском хозяйстве в среднем в 2005–2007 гг. был в Архангельской области, где на каждую тысячу рублей стоимости основных сельхозфондов было произведено 273 руб. стоимости валовой сельхозпродукции данного региона. А наибольший уровень фондоотдачи был в Еврейской автономной области, он был равен 2672 руб. Разница между показателями составила 9,8 раза. При этом в первом регионе в 2005–2017 гг. спад аграрного производства составил 40%, во втором – объемы сельхозпроизводства упали на 30%. В среднем в 2015–2017 гг. произошло сокращение разницы между регионами с наименьшим и наибольшим значением фондоотдачи до 7,3 раза. Самый низкий уровень фондоотдачи остался в Архангельской области, а самый высокий уровень фондоотдачи был в Республике Северной Осетии – Алании, Еврейская автономная область заняла второе место. Но при этом в Северной Осетии объемы аграрного производства за почти полтора де-

сятилетия не изменились, оставшись на прежнем уровне. Интересен тот факт, что в 2015–2017 гг. Республика Северная Осетия – Алания являлась одновременно регионом с самым низким уровнем фондовооруженности и с самым высоким уровнем фондоотдачи среди всех регионов России. Это явилось следствием того, что для Северной Осетии характерны благоприятные агроклиматические условия, но имеется незначительное количество сельскохозяйственной земли при переизбытке сельского населения. Поэтому высокая доля ручного труда и малое количество основных сельхозфондов в производстве аграрной продукции привели к таким соотношениям показатели фондовооруженности и фондоотдачи. Но в целом, связь между уровнем фондоотдачи и ростом аграрного производства также является корреляционной, отражающей взаимную связь роста обоих показателей только при охвате всех регионов России.

Сравнение показателей фондовооруженности и фондоотдачи с объемами аграрного производства в региональном пространстве страны позволяет проследить четкую тенденцию снижения объемов аграрного производства в условиях уменьшения фондоотдачи в регионах с низкой фондовооруженностью сельского хозяйства. Поэтому программы поддержки обновления и увеличения основных сельхозфондов должны в первую очередь направляться в те регионы, где уже существует хорошая материально-техническая база, дальнейшее развитие которой позволит, как минимум, сохранить высокие темпы роста аграрного производства.

Проблемы влияния многоукладности на развитие сельского хозяйства привлекают внимание многих исследователей и им даются разные оценки. В данной работе оценка влияния многоукладности на развитие сельского хозяйства осуществлялась путем анализа изменений физического объема валовой продукции сельского хозяйства в регионах страны в 2005–2017 гг.: регионы были проранжированы по данному показателю в сторону увеличения, также были рассчитаны средние за 2015–2017 гг. удельные веса каждой категории хозяйств в валовой продукции сельского хозяйства регионов. Проведенные расчеты продемонстрировали изменение реальной доли каждого уклада в валовой сельхозпродукции в соответствии с планомерным ростом объемов аграрного производства в динамике лет в региональном пространстве страны. Полученные результаты отразили следующую тенденцию: на рост аграрного производства в регионах непосредственное влияние оказывает рост фермерского уклада в многоукладной аграрной экономике регионов. Причем это влияние имело высокую корреляционную зависимость. В первых двадцати регионах, где за последние полтора десятка лет объемы аграрного производства существенно снизились, фермерские хозяйства не получили широкого развития, их доля в аграрном производстве осталась на уровне постсоветской России периода возрождения фермерское движение. При том, что по мере роста объемов аграрного производства фермерский сектор занимал всё большую долю в аграрной экономике регионов.

Хозяйства населения, по мнению автора, в настоящее время являются тормозом роста аграрного производства. Их доля в валовом производстве наиболее высока в тех регионах, где сельское хозяйство за последние полтора десятка лет существенно сократило объемы своего производства. И хотя теснота корреляционной связи по хозяйствам населения значительно ниже, чем по фермерским хозяйствам, можно сделать однозначные выводы, что они не только не способствуют, но даже замедляют развитие сельского хозяйства в стране.

Доля сельскохозяйственных организаций в производстве валовой сельхозпродукции имела колебания по годам, но построенная линия тренда представляет собой абсолютно горизонтальную линию. Таким образом, крупный сельскохозяйственный уклад на данный момент не имеет существенных ресурсов для влияния на рост общего аграрного производства в стране и выполняет скорее стабилизирующую функцию по поддержанию аграрного производства в регионах.

Проведенные исследования позволяют утверждать, что многоукладность может и способствовать и тормозить развитие сельского хозяйства. Всё зависит от того на поддержку каких укладов делаются акценты в тех или иных регионах. По результатам расчетов можно сделать вывод о том, что наиболее эффективно многоукладность будет влиять на рост аграр-

ного производства, когда высокий приоритет поддержки будет направлен на регионы, где уже получили широкое распространение крестьянские (фермерские) хозяйства.

Существуют различные точки зрения на эффективность инвестирования сельскохозяйственной отрасли, в данном исследовании представлена авторская позиция, выработанная на основе анализа статистической информации регионов России. Вначале были рассчитаны средние за 2013–2017 гг. удельные веса инвестиций на сельское хозяйство в общем объеме инвестиций по всем видам экономической деятельности регионов. Полученные по регионам значения были распределены по уровню роста физического объема валовой продукции сельского хозяйства точно так же, как и при расчетах по многоукладности сельского хозяйства. Результаты расчетов отражают тот факт, что сельское хозяйство наибольшие предпосылки к росту имело в аграрно-ориентированных регионах, то есть, в тех регионах, где доля инвестиций в сельское хозяйство являлась сопоставимой или превышала долю инвестиций в другие системообразующие отрасли экономики. Хотя фактические значения отдельных регионов имели значительные колебания от линии тренда, общая тенденция проявлялась весьма четко: в тех регионах, где доля инвестиций на сельское хозяйство составляла не более 2%, не наблюдалось роста объемов сельскохозяйственного производства.

Уровень объема инвестиций в сельское хозяйство в расчете на одного сельхозработника также имеет влияние на рост аграрного производства в региональном пространстве страны. В отношении отдельных регионов присутствуют относительно высокие колебания от линии тренда, но имеющаяся общая тенденция отражает общий рост производительности труда одного работника сельского хозяйства при повышении объемов инвестирования для осуществления сельскохозяйственной деятельности. Иная ситуация складывается при расчетах размера валовой продукции сельского хозяйства, полученной на 1 рубль инвестиций в сельское хозяйство. Линия тренда расположена горизонтально на отметке 18 руб. при расчете по усредненным данным за 2007–2017 гг. (см. рисунок), то есть можно говорить, что увеличение инвестирования в сельское хозяйство на 1 рубль будет способствовать увеличению выхода валовой сельскохозяйственной продукции на 18 рублей. Таким образом, не наблюдается ситуации, когда увеличение объема инвестиций на каждый последующий рубль способствует увеличению выхода валовой сельхозпродукции на всё более высокую величину.

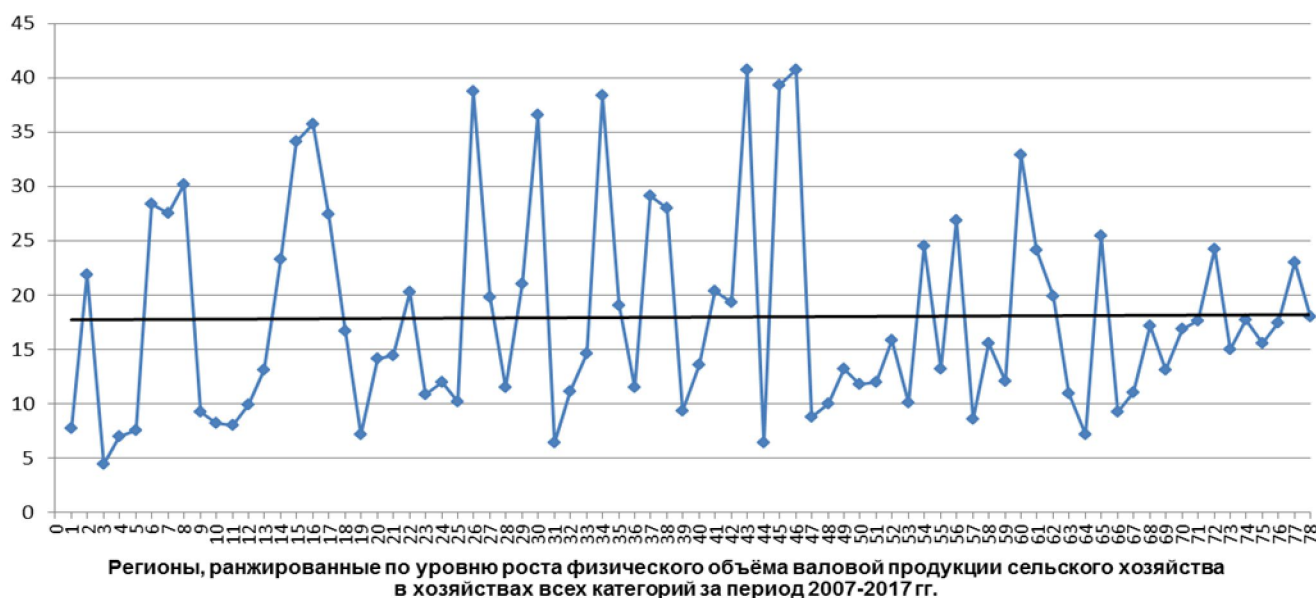

Рисунок – Объем валовой продукции сельского хозяйства на 1 рубль инвестиций в сельское хозяйство (в среднем за 2007–2017 гг.), руб.

Наибольшая результативность от инвестирования сельского хозяйства достигается в аграрно-ориентированных регионах, где инвестиции способствуют наибольшему росту производительности труда работников сельского хозяйства. При расчете эффективности инве-

стиций на объем произведенной сельхозпродукции отражается общая тенденция: по всем регионам, характеризующимся и спадом, и ростом аграрного производства –1 рубль инвестиций способствует получению одного и того же объема валовой сельхозпродукции. Это происходит вследствие того, что имеется много регионов со спадом и стагнацией аграрного производства, которые нивелируют разницу с регионами, имеющими рост сельхозпроизводства, где увеличение инвестиций на каждый последующий рубль имеет мультипликативный эффект всё большего увеличения валовой продукции. Такая ситуация позволяет сделать вывод о том, что равномерное инвестирование сельского хозяйства по всем регионам будет в лучшем случае поддерживать сложившиеся темпы производства валовой сельхозпродукции в стране. Тогда как перераспределение потока инвестиций преимущественно в регионы с наиболее развитой сельскохозяйственной отраслью позволит уже предполагать мультипликативный эффект увеличения объемов валовой продукции на каждый последующий рубль инвестиций, что в итоге должно отразиться на более высоких темпах роста сельского хозяйства России. В особенности это актуально в условиях внешних санкций на поставку продовольствия в нашу страну.

Проведенные расчеты также показывают зависимость изменения физического объема валовой продукции сельского хозяйства от роста реальных доходов населения в динамике лет. По отдельным регионам имеются значительные колебания уровня роста реальных доходов населения от линии тренда, но общая тенденция показывает определенный уровень зависимости роста производства сельского хозяйства от роста реальных доходов населения. Данная зависимость соотносится с ранее выявленной зависимостью роста объемов аграрного производства при увеличении инвестирования в сельское хозяйство в расчете на одного сельскохозяйственного работника. Повышение зарплат работников способствует повышению их производительности труда, что снижает зависимость от увеличения количества работников для обеспечения роста аграрного производства, последнее актуально в условиях активного вымывания трудовых ресурсов из аграрной сферы. Повышение зарплат содействует повышению общего уровня доходов населения, что в свою очередь способствует повышению темпов роста аграрного производства в регионах.

Как логическое продолжение предыдущего анализа были проведены расчеты по определению уровня влияния на рост сельскохозяйственного производства платежеспособного спроса населения. Произведенная продукция не сможет быть реализованной свыше тех пределов, до которых население готово увеличивать свои расходы на покупку продовольствия. В расчеты не включались объемы российского экспорта продовольствия, которые сейчас значительно ограничены в условиях внешних санкций по отношению к нашей стране.

Сложившийся уровень потребления населением основных пищевых продуктов является одним из показателей спроса населения на продовольствие. За последние полтора десятилетия в России выросло среднедушевое потребление всех основных пищевых продуктов за исключением хлебопродуктов и картофеля. Лидерами роста потребления являлись наиболее дорогостоящие мясопродукты, фрукты и ягоды, уровень потребления которых вырос ровно на одну треть. Другие продукты демонстрируют немного более скромные темпы роста потребления. Реальную ситуацию среднедушевого потребления основных пищевых продуктов можно понять только путем анализа регионального пространства страны. Результаты расчетов отражают огромный разброс фактического потребления в регионах разных пищевых продуктов в сопоставлении как со среднероссийским уровнем, так и с рекомендуемыми рациональными нормами потребления. Исследование изменений уровня потребления проводили в динамике 2000–2017 гг., а расчеты для анализа современной ситуации потребления основных продуктов питания в региональном пространстве страны осуществляли по усредненным данным за 2014–2017 гг., чтобы исключить некоторые колебания в уровне потребления в отдельные года. Источником статистической информации являлся сайт Федеральной службы государственной статистики России [20].

В четырех регионах с 4,4% населения России потребление хлебопродуктов не дотягивало до рекомендуемой нормы. Потребление хлебных продуктов у 60% населения страны из 47 регионов превышало рекомендуемую рациональную норму более чем на 20%. Даже в тех

29 регионах, где потребление хлебных продуктов было ниже среднероссийского уровня на 20%, оно превышало уровень рекомендуемой рациональной нормы. Таким образом, 95% населения России употребляли хлебопродуктов значительно больше рекомендуемой рациональной нормы. Растительное масло не достигало рекомендуемой нормы потребления в 35 регионах (31,8% населения страны). Но при этом среднероссийский уровень потребления растительного масла был выше рекомендуемой рациональной нормы на 15%. Выше среднероссийского уровня растительное масло потребляли только в 25 регионах, где проживают 43,5% населения страны.

Картофель не доедал каждый десятый житель страны в соответствии с рекомендуемой рациональной нормой. В восьми регионах его потребление не дотягивало до рекомендуемой нормы, а в пятнадцати регионах почти в два раза превышало рекомендуемую норму. Фактическое потребление овощей не превышало 80% от рекомендуемой рациональной нормы в 51 регионе с 63,7% населения страны, исключением составляли лишь восемь регионов. По сравнению со среднероссийским показателем только 38,4% населения потребляли овощей больше, чем в целом по стране. Реальное потребление сахара превышало рекомендуемую рациональную норму почти в два раза. При этом в России не существует региона, в котором потребление этого продукта не дотягивало бы до рекомендуемой нормы. И только в шести регионах превышение потребления сахара от рекомендуемой нормы составляло не более 20%.

В целом по стране потребление мясопродуктов было равно рекомендуемой рациональной норме. Однако потребление мясных продуктов у 48,9% населения не соответствовало рекомендуемой нормой, у 7,7%, проживающего в девяти регионах, потребление было ниже нормы на 80%; и только у 9,1% населения из семи регионов потребление мяса превышало рекомендуемую норму более чем на 20%. Фактическое потребление молока в среднем по стране не дотягивает до рекомендуемой нормы на 84 кг, или на 35%, что значительно выше по сравнению с другими основными пищевыми продуктами. Только в двух регионах среднедушевое потребление молочных продуктов превышало рекомендуемую норму на 2% и 12% соответственно. В 61 регионе, где проживает 72,4% населения страны, уровень потребления молока не превышал 80% от нормы. Потребление яиц в среднем по стране лишь незначительно превышало рекомендуемую рациональную норму, но реальное превышение было зафиксировано только в 38 регионах с 61,7% населения страны. В 15 регионах с 16,1% населения страны наблюдалось его катастрофическое недопотребление.

Потребление фруктов и ягод в целом по стране практически в два раза ниже рекомендуемой нормы. И только в Краснодарском крае и Кабардино-Балкарской Республике среднедушевое потребление равно 94% и 100% от рекомендуемой нормы соответственно. В 23 регионах с уровнем потребления фруктов и ягод не выше 80% от среднероссийского уровня – средневзвешенная величина потребления фруктов и ягод была ниже рекомендуемой рациональной нормы в два с половиной раза.

Заключение.

Таким образом, даже при наличии устойчивых тенденций роста и развития аграрного комплекса в целом по стране существует значительная группа регионов, для которых характерны систематический спад или стагнация аграрного производства. Данным исследованием обосновано, что их примерно половина из общего количества. Это означает, что на вторую половину регионов ложится двойная нагрузка для обеспечения роста сельскохозяйственного производства страны, так как кроме своего развития им приходится еще и компенсировать спад/стагнацию производства в другой половине регионов. Данные обстоятельства необходимо учитывать при разработке госпрограмм развития аграрного комплекса страны: регионы должны получать ресурсы на развитие соразмерно своей эффективности, которая имеет глобальную межрегиональную дифференциацию.

Проведенные расчеты подтвердили тот факт, что менее одной трети регионов обеспечивают общий рост производства зерна в стране, а для остальных регионов характерны стагнация, спад или незначительный рост объемов производства зерна. Только три четверти минеральных удобрений и 55% органических удобрений, вносимых под зерновые культуры,

вливают на рост производства зерна в стране. В регионах со спадом/стагнацией аграрного производства темпы выбытия сельхозмашин значительно выше, чем в регионах с растущими объемами производства в сельском хозяйстве. При этом прослеживается высокая корреляционная зависимость снижения объемов аграрного производства в условиях уменьшения фондоотдачи в регионах с низкой фондовооруженностью сельского хозяйства.

Структура многоукладности сельского хозяйства может способствовать росту аграрного производства в региональном пространстве страны при эффективной государственной политике. Фермерский сектор необходимо поддерживать в регионах, где он уже получил широкое развитие, как и сельскохозяйственные организации, которые выполняют стабилизирующую функцию по поддержанию аграрного производства в регионах. Равномерное инвестирование сельского хозяйства по всем регионам будет в лучшем случае лишь поддерживать сложившиеся темпы аграрного производства в стране. Поэтому необходимо перераспределение потока инвестиций преимущественно в регионы с наиболее развитой сельскохозяйственной сферой, которые могут дать мультипликативный эффект увеличения объемов валовой сельхозпродукции на каждый последующий рубль инвестиций, что в итоге должно отразиться на темпах роста сельского хозяйства России. Необходимо учитывать и тот факт, что чем выше рост реальных доходов населения в регионах, тем больше и рост производительности труда в сельском хозяйстве, и как следствие – рост аграрного производства.

Сложившийся уровень потребления населением основных пищевых продуктов в региональном пространстве страны демонстрирует следующие показатели: 95% населения страны потребляли хлебных продуктов значительно больше рекомендуемой рациональной нормы потребления. Поэтому для дальнейшего роста производства зерна необходимо прорабатывать каналы экспорта зерна в другие страны.

Нормы потребления растительного масла не достигали рекомендуемой в 35 регионах, при этом большая доля потребляемого масла была импортной. Развитие внутреннего рынка сбыта возможно только при ограничении объемов ввозимого импортного масла.

Производства картофеля в стране в целом уравновешено с его потреблением практически во всех регионах, т.е. нет необходимости увеличивать его производство. Две трети населения страны не дополучали более 20% овощей от рекомендуемой рациональной нормы, что диктует необходимость значительного роста производства овощей в стране. Среднедушевое потребление сахара значительно превышало рекомендуемую рациональную норму во всех регионах (в некоторых регионах даже в несколько раз), поэтому рост производства сахарной свеклы (фабричной) возможен только при запрете на ввоз импортного сахара-сырца.

Потребление мясных продуктов у 48,9% населения не соответствовало рекомендуемой нормой даже с учетом их импорта, поэтому имеется большой потенциал внутреннего рынка для реализации мясных продуктов при условии роста платежеспособного спроса населения и сокращения ввоза импортных мясных продуктов. Потребление молочных продуктов только в двух регионах соответствовало рекомендуемой норме, что так же говорит о большом потенциале внутреннего рынка для реализации молочных продуктов при росте производства объемов молока. Яичных продуктов потребляли в соответствии с рациональной нормой только 61,7% населения страны, а фруктов и ягод – только жители Кабардино-Балкарской Республики, что отражает большой потенциал реализации этих продуктов на внутреннем рынке.

Список литературы:

1. Андрющенко С.А. Национальные и региональные механизмы реализации приоритетов развития производственного потенциала агропродовольственного комплекса России // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2019. – № 2 (368). – С. 34–38.
2. Андрющенко С.А., Кутенков Р.П., Бондаренко Ю.П., Васильченко М.Я. Особенности социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, признанных неблагоприятными для сельскохозяйственного производства // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2018. – № 4(73). – С. 47–53.
3. Андрющенко С.А., Бондаренко Ю.П. Оценка перспективных направлений инновационного развития производственного потенциала агропродовольственного комплекса // Ре-

гиональные агросистемы: экономика и социология. – 2018. – № 5. – URL: <http://www.iagpran.ru/journal.php?id=199>

4. Приоритеты инновационного развития производственного потенциала агропродовольственного комплекса России / С.А. Андриященко [и др.] // Региональные агросистемы: экономика и социология/ – 2016. – № 2. – URL: <http://www.iagpran.ru/journal.php?id=175>

5. Национальная продовольственная безопасность России: стратегические приоритеты и условия обеспечения / А.А. Анфиногентова [и др.]; под общ. ред. Т.В. Блиновой. – Саратов: Саратовский источник, 2018. – 413 с.

6. Конкурентоспособность агропродовольственного комплекса России в условиях глобальных вызовов / А.А. Анфиногентова [и др.]; под общ. ред. И.Л. Воротникова. – Саратов: Амирит, 2017. – 403 с.

7. Бондаренко Ю.П. Метод корректировки межрегиональных сравнений уровня и темпов развития агросистем // Аграрный научный журнал. – 2006. – № 6. – С. 68–71.

8. Стратегические приоритеты социально-экономического развития агропродовольственного комплекса России / А.А. Анфиногентова [и др.]; под общ. ред. И.Л. Воротникова. – Саратов: Саратовский источник, 2016. – 595 с.

9. Бондаренко Ю.П. Оценка необходимости обновления основных фондов в сельском хозяйстве России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2018. – № 9. – С. 24–30.

10. Агропродовольственный комплекс региона в условиях глобализации / И.Ф. Суханова [и др.]; под общ. ред. И.Ф. Сухановой. – Саратов: Саратовский источник, 2013. – 431 с.

11. Социально-экономические приоритеты обеспечения продовольственной безопасности России / под ред. акад. А.А. Анфиногентовой. – Саратов: Саратовский источник, 2012. – 273 с.

12. Бондаренко Ю.П. Перспективы многоукладности аграрного сектора России // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2016. – № 1. – URL: <http://www.iagpran.ru/journal.php?id=173>

13. Продовольственная безопасность России: вызовы, риски, угрозы / А.А. Анфиногентова [и др.]; под ред. акад. А.А. Анфиногентовой. – Саратов: Саратовский источник, 2011. – 311 с.

14. Бондаренко Ю.П. Производительность труда в сельском хозяйстве регионов России // Стратегическое управление социально-экономическим развитием агропродовольственного комплекса России в условиях роста глобальной конкуренции: материалы Островских чтений (25–26 октября 2016 года). – Саратов: ИАГП РАН, 2016. – С. 201 – 204.

15. Социально-экономические проблемы развития мелкотоварного уклада в АПК России / под ред. В.Б. Бурлакова; ИАГП РАН. – Саратов, 2007. – 122 с.

16. Пахомова Н.В., Рихтер К., Малышков Г.Б., Бондаренко Ю.П. Организационно-институциональные условия формирования спроса на инновации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2015. – № 2. – С. 4–33.

17. Бондаренко Ю.П. Влияние инвестиций на обновление и эффективность использования основных фондов в сельском хозяйстве России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2019. – № 3. – С. 4–49.

18. Кутенков Р.П., Бондаренко Ю.П. К вопросу среднесрочного прогнозирования урожайности зерновых культур // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2012. – № 1. – URL: <http://www.iagpran.ru/journal.php?id=59>

19. Статистическая информация Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. – URL: <http://www.gks.ru/>

20. Статистическая информация Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. – URL: <http://mcx.ru/>